

НАША ПРОФЕССИЯ. КАДРЫ. ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ

УДК 023.5

Э. Р. Сукиасян

Кадровый кризис.

Статья 3.

Что должен знать библиотекарь-профессионал?

Автор подводит итоги своих многолетних размышлений о библиотечной профессии и библиотечном образовании в нашей стране.

Ключевые слова: библиотечное образование, Болонский процесс, дисциплины, педагогика, библиотечная психология, библиотечная социология, философия, этика, эстетика, иностранные языки, языкознание, математика.

В этой статье речь пойдёт о содержании классического вузовского библиотечного образования. Выскажу ряд спорных положений.

Понимаю, что многие библиотекари «старой закалки» могут со мной не согласиться. Нас воспитывали гуманитариями, мы нередко выбирали нашу профессию именно из-за любви к чтению. Когда мы говорили, что любим книги, не имели в виду научную литературу. Чтение связывали с библиотекой, где брали книги. Так развивалась и становилась определяющей для выбора профессии странная «потребительская любовь».

До вуза в библиотеках работали всего 2% абитуриентов. Поступающие на библиотечный факультет не имели представления о библиотечном труде, на вопрос о структуре библиотеки давали примитивные ответы. «В одном зале сидят, читают, в другом – выдают книги, а ещё есть гардероб», – так ответил один из абитуриентов в конце 1960-х гг. Однако всего за четыре года удавалось всех сделать профессионалами, и практически все выпускники приходили работать в библиотеки.

Без сомнения, для всех без исключения библиотечных работников важна гуманитарная составляющая. Как только я написал об этом в одной из своих статей, как тут же получил негодующие отклики: «Не забыли ли вы, что теперь в библиотеках появились «компьютерщики» и вообще стало много мужчин?» Странно, не правда ли: оказывается, женщины – это гуманитарное начало, а мужчины – техническое... Пришлось объяснять свою позицию: в библиотеке все виды работ связаны с человеком, поэтому библиотекарь должен быть гуманистом. Все специалисты работают для читателей – абонентов, пользователей. (Это три стандартизованных термина; считаю, что неразумно вводить новые – «клиенты» или «потребители информации».) Если кто-нибудь из инженеров думает, что он работает ради «машины» или «системы», в библиотеке всё пойдёт наперекосяк. Примеров по России – тьма.

Пора подумать о том, какая подготовка обеспечивает гуманитарное начало. Многие библиотекари считают: в первую очередь нужно изучать художественную литературу и историю. В общественном сознании тоже закрепилась такая точка зрения. Так, наверное, полагала и Н. К. Крупская, положившая в основу библиотечного образования программы подготовки учителей. Так было на протяжении многих десятилетий. Единственным практически полезным учебным курсом было «Введение в литературоведение» (некоторые учебники называются «Теория литературы»). Но он одним из первых попал под сокращение...

Курсы литературы и истории в вузе практически повторяли школьную программу. В лучшие годы мы изучали ещё античную литературу и историю. Зарубежная литература была представлена весьма оригинально: одним романом каждого крупного писателя. Для более широкого знакомства времени не оставалось.

Я всегда считал, что литературу в библиотечном вузе вообще не надо преподавать. Логика моих рассуждений проста: изучать нужно или всё (как на филологических факультетах), или ничего. По каким же пособиям должны учиться будущие библиотекари?

Я не знал ответа на этот вопрос, пока у меня не оказалось нескольких книг. Приведу в качестве примера одно издание: Горбунов А. М. Панорама веков. Зарубежная художественная проза от возникновения до XX в.: Популярная библиографическая энциклопедия / А. М. Горбунов. – Москва : Кн. палата, 1991. – 576 с. Аналогичные издания есть по всем «литературам». Вооружившись информацией, я спрашиваю выпускников-библиотекарей, знакомы ли им эти справочники. Ответы огорчают...

Многие годы меня волнует вопрос: какие знания остаются у выпускников нашего факультета после учёбы? Ведь учатся всё-таки не для того, чтобы только вовремя сдать экзамены и зачёты. Знания нужны для будущей профессиональной деятельности.

В молодости я прочитал собрания сочинений любимых мною писателей (Э. Золя, Т. Драйзера, Г. Уэллса). Можно только пожалеть библиотекарей (и их читателей), если они не читали рассказов Т. Драйзера, не знают, что Г. Уэллс, кроме фантастики, писал реалистичную и даже философскую прозу. Со студенческих пор я уверен: познакомившись с читателем, я найду в книгохранилище художественное произведение, которое он прочитает с удовольствием. Просто надо много читать. Профессиональное занятие библиотекаря – *рыться в книгах* (К. Маркс считал его любимым). Учили ли нас этому в вузе? Нет, скорее, наоборот – отучали.

У И. Г. Моргенштерна я нашёл определение сути важнейшего профессионального навыка – «библиографического просмотра книги». Его даже можно демонстрировать на публике. Получив неизвестную книгу на 5–6 минут, специалист проделывает с ней определённые манипуляции, а затем делает небольшой доклад, который поражает окружающих. Этому можно научиться! Помогает умение «сканировать» текст (глаз охватывает всю страницу целиком). Сначала надо овладеть методами быстрого (скоростного) чтения. Удивительно: этому обучают лётчиков, космонавтов, студентов некоторых технических вузов. А библиотекарей – нет.

За рубежом «гуманитарное начало» нашей профессии обеспечивается изучением учебных курсов психолого-педагогического цикла. Нет, это не педагогика и психология (у нас их изучают по учебникам для педагогических вузов). Это специальные, профессионально ориентированные предметы. Библиотечная педагогика не имеет отношения к школе, урокам, детям и их родителям. У неё иные объекты и субъекты, другое, не школьное, поле деятельности. Библиотекарь должен быть педагогом!

Многие годы основы педагогики мы изучали в курсе «Руководство чтением». Во время перестройки название «демократизировали» – курс стал называться «Работа с читателем». Затем, когда начали бороться с «пропагандой», появилось название «Библиотечное обслуживание». Хорошим считаю учебник Ю. П. Мелентьевой. И это – всё. В учебных планах осталась школьная педагогика (до сих пор помню: «наука о коммунистическом воспитании в школе подрастающего поколения»).

Сохранилась и общая психология, заимствованная из педагогических вузов. Между тем, у нас должно быть, по меньшей мере, три наших, профессионально ориентированных, курса психологии. Программу первого, основного, я предложил ещё в 1998 г. [1]. Второй курс, известный у нас как «Библиопсихология», – это наука о восприятии текста, основателем которой был Н. А. Рубакин (1862–1946). Многие думают, что библиопсихология изучает чтение и читателя. Но Н. А. Рубакин писал именно о библиологической психологии. Её название образовано от термина *библиология*, имеющего два значения: «книговедение» и «введение в Библию». В нашей стране поддержки «партии и правительства» такая наука не получила.

Третья отрасль психологического знания, которую пока не разработали, – это специальный библиотечный раздел социальной психологии, в котором должны изучаться отношения в библиотечном коллективе, поведение читателей (разных групп и возрастных категорий). Библиотечная наука в этой области у нас не развивается, хотя профессиональных психологов с каждым годом всё больше. Стыдно становится – есть учебники по социальной психологии, подготовленные для работников торговли и транспорта, прокуратуры, суда и следствия. А у нас таких пособий нет. Психологи, пришедшие на работу в библиотеки, занимаются тем, что им ближе, чему их учили в вузе. Проблемы библиотечной психологии остаются для них чужими. Об этом я неоднократно писал и говорил, в последний раз – на Седьмой Всероссийской рабочей встрече «Социолог и психолог в библиотеке» в 2012 г. [2].

На работу в библиотеки приходят и социологи. Точка приложения их сил, как правило, – социология чтения. Многие считают, что другой социологии в библиотеке и не существует. Ещё как существует: во всяком

исследовании не только можно, но и нужно использовать социологические методы. Убедился в этом на собственном опыте, когда в 1970-х гг. проводил два всесоюзных исследования. Не хватало знаний – пошёл учиться. Я абсолютно уверен: библиотекарям крайне необходимо изучать социологию. Но для этого надо иметь «свой» учебник библиотечной социологии.

На мой взгляд, гуманитарная направленность нашей профессии заключается в том, что библиотекари должны приобретать фундаментальные знания в области педагогики, психологии, социологии. Добавим сюда также курсы по философии, этике, эстетике. Содержание каждого из них в наших вузах должно быть дополнено специальными, ориентированными на библиотеки темами. В философии, например, надо глубже изучать системный подход и системный метод, проблемы классификации наук. В этике – содержание Кодекса библиотечной этики. Курс эстетики не должен ограничиваться проблемами библиотечного интерьера, в библиотеке всё должно быть прекрасно. В вузах есть возможности создавать учебные пособия. На первых порах преподаватель может разработать программу курса по выбору, дополнить и развить её в процессе занятий.

Так называемые общеобразовательные дисциплины, как правило, не дают глубоких знаний. Мне не раз говорили: они должны «развивать мышление студента вуза». Хотелось бы верить, но практика это не подтверждает. Мне было очень сложно, когда я читал лекции на Высших библиотечных курсах ГБЛ – РГБ (все слушатели – с высшим образованием). Выстроить хронологическую цепочку, когда я называл имена по алфавиту, например Аристотель, Демокрит, Платон, Сократ, как правило, могли только выпускники философских факультетов. Как при таком уровне знаний рассказывать о проблемах классификации наук? Вот преподавать классификацию в логике мне было проще: я заранее исходил из того, что об этом никто в аудитории ничего не знает. И всё получалось.

Многие годы я безуспешно доказываю, что знание как минимум одного иностранного языка (прежде всего английского) должно быть для библиотекаря любого уровня квалификации обязательным. Когда я сказал об этом, выступая перед хорошо подготовленной аудиторией в Санкт-Петербурге [3], нашлись «патриоты», возразившие мне: «Мы русские люди и живём в России, зачем нам это?» Объяснять им, что сегодня во всём мире (во Франции, Германии, Скандинавских государствах, Японии и др.) библиотекари знают английский, нет смысла. Английский стал языком крупнейших библиографических баз данных и всемирных по охвату электронных каталогов. Остаётся всё меньше читателей, которых удовлетворит справка об имеющейся в библиотеке литературе только на русском языке. Библиотекарь должен сам знать и учить читателей, как использовать не только русский сегмент Интернета.

Понимают ли это в вузах? Не уверен. Последнее учебное пособие для библиотекарей по языку вышло несколько десятков лет назад. Для многих преподавателей до сих пор оказывается «открытием» Англо-русский словарь по библиотечной и информационной деятельности, выпущенный в 2006 г. (Скоро в издательстве «Профессия» выйдет русско-английский словарь с аналогичным названием.) Уверен: ничего не изменится до тех пор, пока язык остаётся «общеобразовательным» учебным курсом вузовской подготовки.

Система преподавания должна исходить из потребностей библиотечной практики. Например, у нас очень слабая теоретическая подготовка по языкознанию. Стоило бы ввести курс «Введение в языкознание». И студенты должны его изучать раньше, чем курсы лингвистического обеспечения. Наши выпускники не знают, что такое синтагматика и парадигматика, не могут объяснить понятий *план выражения* и *план содержания*. Я уже не говорю о том, что для многих определить язык документа – практически неразрешимая задача. Почти никто не знает цифр, принятых в арабском мире, старославянского языка, греческого алфавита, римских цифр за пределами десятка. И всё это потому, что в наших вузах нет курса «Языки и культуры народов мира».

В годы моей учёбы в Московском библиотечном институте (теперь это – МГУКИ) нам читали курсы по основам производства и сельского хозяйства. Эксперимент быстро закончился. Последней стала лекция «Обработка отверстий»... Наш преподаватель Захарий Николаевич Амбарцумян говорил: «Самообразование, друзья мои, и ещё раз самообразование, надо больше читать. А таблицы классификации помогут определять границы собственного незнания». Я понял, почему многие не любят открывать эти таблицы – не хотят заниматься печальной самодиагностикой.

Всегда были проблемы и с математикой. Ещё в 1960-х гг. все понимали, что математику библиотекарю «уже затем учить следует, что она ум в порядок приводит» (М. В. Ломоносов). Только вот вопрос: что выбрать из

безграничного мира этой науки? В вузах страны было около десяти попыток ввести соответствующий курс, издавались пособия. Но все преподаватели были так далеки от библиотечного дела, что их скороспелые курсы не прижились.

Десять лет назад я проанализировал «Приложения к дипломам» выпускников начиная с 1940 г. и через каждое десятилетие – до 2000 г. Результаты этой работы были опубликованы [4]. Но ни в одном вузе не обсуждалась «голая правда». Стыдно, наверное: студенты наших вузов выступают в роли подопытных кроликов, над которыми ставят эксперименты. При поступлении неизвестно, что придётся изучать. Абитуриент не знает, какая формулировка специальности и квалификации будет у него в дипломе.

Директора библиотек, для которых готовятся кадры, не догадываются, чему студентов обучали в вузе. Достаточно провести экспресс-опрос на любом «директорском» совещании, чтобы убедиться: руководители библиотек далеко не лучшего мнения о качестве нашего профессионального образования. Разве не должна Российская библиотечная ассоциация представлять сторону практиков при обсуждении проблем развития высшей профессиональной школы?

Почему же тогда вопрос о бакалавриате и магистратуре решали только сами вузы? Библиотеки могли бы подсказать, где (и с какими знаниями) нужны бакалавры, а где – магистры. Ясно, что в своё время была сделана серьёзная ошибка: сначала из формулировки специальности в дипломе «Библиотекарь-библиограф высшей квалификации» (4 года обучения) убрали «высшей квалификации» (и при этом перешли на 5 лет обучения), а потом и вовсе заменили её на «менеджер». Был нанесён серьёзный удар по престижу профессии (везде в мире в библиотеках работают библиотекари). Много учебного времени стало тратиться на изучение маркетинга и менеджмента, других дисциплин, которые, без сомнения, нужны магистрам, но не бакалаврам. Уважаю предложенный Н. С. Карташовым курс «Сравнительное библиотековедение». Но разве не ясно, что он – для магистров?

Парадокс: из наших студентов хотят сделать менеджеров, т.е. руководителей. Но чтобы управлять библиотекой, нужен опыт. Пройдёт немало лет, пока кто-то из выпускников продвинется по карьерной лестнице. За это время многое из того, чему учили в вузе, забудется. Необходимо пополнять знания. Но в библиотеках, как правило, денег на это нет. Директора обучаются в АПРИКТе, но учёба длится всего две недели.

Остаётся ответить на часто задаваемый вопрос: как же осуществить качественную перестройку библиотечного образования? Об этом поговорим в заключительной статье цикла.

Список источников

1. **О психологической** подготовке библиотекаря-профессионала /Сукиасян Э. Р. // Науч. и техн. б-ки. – 1998. – № 11. – С. 57–60. – Прил.: "Библиотечная психология": примерная структура учебника для библ. фак. вузов.
2. **Социолог** и психолог в штате современной библиотеки // Социолог и психолог в библиотеке. Вып. VIII. – Москва, 2012. – С. 152–157.
3. **Лингвистические** проблемы взаимодействия библиотек России с зарубежными странами / Э. Р. Сукиасян // Сетевое взаимодействие библиотек : материалы Междунар. конф. (17–18 мая 1999 г.) / Центр информ. ресурсов, Американский центр USIS, Нем. культурный центр им. Гёте, Фр. ин-т, РНБ, РБА. – С.-Петербург, 2000. – С. 132–136.
4. **Библиотечное** образование: традиции и современность / Э. Р. Сукиасян // Информ. бюл. РБА. – 2002. – № 22. – С. 155–160.